Юлия Санникова

г. Санкт-Петербург

Планета HD 40307c

Жгучий песок, подхваченный ветром, танцевал над пустыней. Вереница людей в защитных костюмах медленно шагала на Восток. Как говорили странники, в пяти дневных переходах от старой обсерватории находился действующий источник энергии. Там можно было подключиться к сети и обновить воспоминания, которые многим уже надоели. С тех пор как планета HD 40307c выбрала технологический путь развития, отношения между людьми сводились лишь к поиску данных и передаче банальной информации. Общение превратилось в надоедливую процедуру, через которую никто не хотел проходить. Но на своем пути к виртуальному счастью общество столкнулось с одним непреодолимым препятствием – нехватка энергии и людей, способных создавать что-то новое да и просто выполнять простейшие жизненно необходимые вещи.

Города-миллионники начали затухать в 2078 году от эры первого кибериона. Киберионами называли первых людей, подключенных к сети ещё в утробе матери-андроида. Естественный способ рождения детей посчитали ненужным и просто от него отказались. Первым из чувств в сердце киберионов погасла любовь, и, лишенные родовой памяти, дети предпочитали покупать в магазинах дешёвые воспоминания, имплантируя их в сетчатку глаз. Воспоминания раскрашивали реальность в некое подобие радости, но их хватало только на три восхода двойной звезды-спутника. Целые киберполисы, заселённые киберионами, пребывали в технологической коме воспоминаний. Никто и ничего больше не производил и не изобретал, и даже прибыль, определявшая отношения людей до седьмой технологической революции, уже больше не интересовала киберионцев.

– Как далеко нам идти? Я устала от этих оранжевых песков и палящих лучей двойной звезды! Все земные воспоминания, пересмотренные мной, не стоят таких страданий!

– Что знаешь ты о страданиях? – Мужчина смахнул рукой зелёный луч с прямоугольного экрана магнито-масс-спектрометра*. – Мы входим в зону заражения, необходимо включить силовое поле для защиты от ионизации.

– Но у нас почти нет энергии!

– Если мы не включим прибор, то останемся в этой пустыне навсегда! – ММС распустился пучком разноцветных лучей, выстроив вокруг людей идеальную окружность радиусом пять метров, – не переступай за круг!

Отношения на планете HD 40307c всегда выстраивались на основе жесточайшей конкуренции, которая и привела людей к тотальному отчуждению. Желание доминировать рано или поздно превращается в социальную плеть для слабых, и толпа победителей вышвыривает их на обочину жизни. Но приходит новый победитель и пожирает старых лидеров, устанавливая

* Магнито-масс-спектрометр – прибор для создания защитного поля, предохраняющего живую клетку от вредного воздействия проникающей радиации (связывает радиоактивные вещества, предотвращая любую ионизацию).

свои жестокие правила игры. И технологии лишь обостряют противоречия и превращают конкуренцию в схватку антропоморфных систем подавления личности и любви. В такой системе даже тот, кто искренне верит в правду собственных слов и справедливость жестоких поступков, лжёт вдвойне, обманывая и собственное сердце.

– Этого не может быть! – женщина, которую звали Кара, указала на скользящую по пескам тень. Тень сложила крылья, приземлившись на старую ржавую антенну от голограммоприёмника, – я видела птиц только в старых воспоминаниях мира. Здесь же находится могильник отработанных актиноидных трубок*, и ничто живое не может выжить!

Птица наклонила голову и, как показалось Каре, с любопытством посмотрела на путников. В этом месте пустыня резко обрывалась, упираясь в гранитные глыбы. Могильник заливали большим количеством тяжёлой воды, отчего в полостях, прикрытых гранитными мегалитами, сохранились лужицы цвета золотистой охры.

– Может быть, радиации уже нет? – Странник по имени Радек, замыкавший цепочку из пяти человек, остановился и дёрнул за рукав идущего впереди спутника. – Посмотри!

Он увидел луч солнца, скользивший по зеркальной поверхности мутной лужи, и вздрогнул. Это было похоже на пробуждение после долгого беспамятства. Киберионец, вышедший из состояния технологической комы, испуганно моргал глазами. Птица напряглась, почувствовав опасность.

– Что случилось? – спутник Радека обернулся и испуганно уставился на товарища.

Такое случалось и раньше, киберионцы приходили в себя и, как безумные, начинали искать истину. Обретая сердце, они вспоминали мир и начинали учиться жить. После того, как на планете HD 40307c иссякла энергия, а производство актиноидных трубок закончилось, многие не выходили за пределы потухших городов. Голограммоприёмники не работали, и общение с робиоидами** прекратилось. Но жизнь в потухших городах пугала, и люди снова собирались в группы. Первые слова не растопили лёд, но киберионцы начали просыпаться. Радек потянулся к кристаллической маске.

– Не снимай маску! – Кара рванулась к Радеку, пытаясь удержать его руку, но не успела.

Мужчина сорвал маску и вдохнул грудью воздух. Ничего не произошло. Он не упал и не начал биться в судорогах, как думали путники. Радек удивлённо смотрел на птицу. Прошла минута, прежде чем он заговорил.

– Я не пойду с вами!

– Ты сошёл с ума! Невозможно выжить в этой пустыне без источников энергии! О чём ты будешь думать, если не обновишь воспоминания? – Кара почти плакала, испытывая непонятное чувство растерянности.

– Я думаю о жизни. Если могу дышать, значит, могу идти. Для путника всегда найдётся путь, если он есть и у птицы. Говорят, за этими мегалитами растёт лес. Там есть пища. Я просто хочу жить.

В этот момент произошло неожиданное. Десятки птиц, прятавшихся в мегалитах, с шумом взлетели. Никто из путников никогда до этого не видел птиц в живом полёте. Зрелище завораживало.

– Какая красота! – Кара провожала взглядом стремительно улетающую стаю. В этот момент пространства первозданных степей казались путникам безграничными. Воображение рисовало картину, где на гигантском просторе их ожидало счастье, о котором никто не хотел вспоминать. Все обиды и неугасимая вражда эпохи потребления, предшествовавшей последней технологической революции, питавшие многие поколения обитателей этой маленькой в масшта-

* Актиноидные трубки – элементы питания робиоидов и голограммоприёмников.
** Робиоиды – не люди, но ещё не роботы, существа, свободные от воспоминаний.

бах вселенной планеты, давно забылись. Вражда превратилась в отчуждённость, и такое устройство общества устраивало всех, пока не вышел из строя последний эфирион*, обеспечивавший города светом, теплом и голографическим телевидением.

– Мне кажется, что мы преувеличиваем тяжесть древней жизни. – Кара неожиданно сорвала свою маску и распустила тяжёлую копну золотистых волос. – Неустроенность может дарить и радость, вот, например, как это нечаянное счастье.

Путники разделились, трое из группы продолжили свой путь на Восток, а Кара и Радек нашли удобную расщелину для ночлега. Ночь наступила мгновенно, и тёмное небо усеяли мириады звёзд.

– Что это за яркие точки в небе? – Кара держала Радека за руку.

– Звёзды. Их невозможно сосчитать.

– Что ты знаешь о звёздах?

– Ничего, ведь мы только учимся жить, наверное, как первые человеческие существа на планете. Идеальное общество – это ведь не технологии, а люди. Накопление знаний не приближает, а удаляет от истины, если только эти знания измеряются количеством или выгодой. Ведь это очевидно, и сдерживать древний инстинкт охотника и пожирателя невозможно одними лишь виртуальными воспоминаниями.

Радек умолк и повернулся к синему просвету между двумя гранитными валунами, закрывавшими красное зарево заходящего солнца-карлика. В этот момент он повиновался могучей жажде его предков, которая толкала поколения за поколениями в объятия тайны ночного хоровода звёздных плеяд, рассыпанных неведомой рукой по индиговой ткани дали. Виртуальный плен казался истлевшей от времени промокашкой подлинной жизни, а города киберионов – металлическими пауками с лазерным жалом. Тотальная автоматизация капсульных небоскрёбов отучила человека не только думать, но и выполнять простейшие бытовые операции. Мышцы атрофировались, а суставы распухали от длительной ходьбы. Но не это пугало. Теперь его страшила одинокая толпа со стеклянными глазами-кристаллами. Он впервые увидел иные глаза – тёплые и испуганные глаза женщины, и почувствовал неистребимое желание стать опорой. Новые чувства переполняли грудь, а тишина казалась колыбельной.

– Нам нужно выспаться, – заметил он, – завтра предстоит большой переход до лесных озёр.

– Ты уверен, что карты прошлого не врут?

– Мы пойдём туда, куда полетели птицы, на заход солнечного карлика. Так говорили старейшины. Не бойся, у нас осталось несколько пищевых капсул и баллончик сжатой воды. Этого хватит на неделю, а уж за неделю мы точно куда-нибудь доберёмся.

Кара напряжённо вслушивалась в ночную тишину. Ветер стих, а небо цвета индиго в жёлто-красных разводах от ионической плазмы, казалось, утратило глубину. Газоразрядная вышка службы беспроводного энергообеспечения почти потухла, и лишь слабое зеленоватое свечение на горизонте напоминало о существовании гигантской сети криптоновых станций. Она вспомнила, как любила вдыхать криптоновые пары в комнатах отдыха, оборудованных в каждом торговом центре. Теперь эти монстры из стеклобетона погрузились во мрак. Киберионы использовали их как складские помещения, куда со всех концов киберполиса перетаскивали старые генераторы той допотопной эпохи, когда прибыль толкала людей на самые невероятные безумства и притворства. Киберионы не теряли надежду получить хоть какую-то энергию для очередной перезагрузки. Тот факт, что никто и ничего больше не производил, а гигантские краноподобные 3D-принтеры с рентгеновскими глазами и лазерными щу-

* Эфирион – генератор электрической энергии, использующий в качестве источника закон сохранения и изменения энергии эфира.

пальцами ржавели, опираясь на капсульные небоскрёбы, никого не пугал. Запустить их без электричества не представлялось возможным, а найти иное применение «жужжащим стальным паукам», как называли их когда-то, не мог не один инженер-виртуальщик. Мир погружался в ночной туман. Приближался час смены температур, когда за пять минут местного времени погода из плюсовой опускалась до минусовой с разницей в двадцать градусов. Такие перепады начались сразу после первых экспериментов с ионосферой. Перед самым рассветом происходил обратный скачок.

– Давай включим тепловую завесу. – Радек вынул из нагрудного кармана миниатюрный цезиевый шарик в графитовой скорлупе и разломил его на две половинки. Для разогрева щелочного метала и интенсивного выделения тепла было достаточно одного разряда баллончика со сжатой водой. Тепловая завеса диаметром три метра согревала не хуже капсулы. – Спи, Кара. Нам так редко удавалось по-настоящему выспаться! Трансовый сон не в счёт!

– Как хорошо, – девушка передёрнула плечами, – ведь можно просто жить, забыв о виртуальных иллюзиях! Там, в лесу, живут люди?

– Говорят, что живут какие-то древние переселенцы, убежавшие от прогресса в пещеры и на болота. Я не уверен.

– Они не причинят нам вреда?

– Нет, я слышал, что переселенцы – мирные люди. В лесу есть какая-то тропа для странников, если ты найдёшь её, то на всём пути тебя будут принимать, как своего. У них такой закон. Любой странник достоин помощи, а путь к истине полон ловушек. Ты проходишь одну, как сразу попадаешь в другую, но всё это ничто в сравнении с летаргическим сном киберионов. Лучше уж идти вперёд, чем таскать ржавые генераторы по городам, пытаясь подключить к ним разрядившиеся актиноидные трубки. Занятие жалкое и бессмысленное.

Кара не дослушала последней фразы и заснула. Радек ещё с полчаса любовался небом, пока не провалился в глубокий сон. Утром беглецов разбудил писк перегревшегося цезиевого теплогенератора. Радек сложил две графитовых скорлупки вместе, и писк прекратился, тепловая завеса упала на сухую траву, словно капельки плазмы.

– Доброе утро! – Кара энергично разминала затёкшие руки.

– Перекусим и двинемся в путь. – Радек достал из внутреннего кармана защитного костюма маленький серебристый мешочек с пищевыми капсулами и баллончик со сжатой водой. Быстро перекусив, беглецы двинулись в сторону, противоположную восходящему карлику-солнцу. Долго молчали.

– Я вижу лес! – Кара остановилась. – Там, в серой туманной дымке. Но у кромки какой-то свет.

– Это костёр, я видел, как его разводят в воспоминаниях. Утраченная близость к природе всегда пробуждала во мне тоску, которую невозможно утолить никакими играми с разумом. Массовое производство мерцающих голографических имитаций каминов и печек с возможностью моделировать цвет, запах и интенсивность тепловых сквозняков и завес даже с закрытыми глазами, пожалуй, удалило нас не только от природы, но и от нас самих, заперев чувства в тщетный диалог с машиной. Технический прогресс сам по себе не несёт зла, если только он не становится эксклюзивным товаром или самоцелью, усиливая эгоизм тех, кто удовлетворяет собственное дикое желания господствовать над другим эгоизмом. Пойдём, я думаю, что это – маяк для беглецов.

Кара и Радек побежали к костру, забыв о всякой осторожности. Приблизившись, они увидели женщину, одетую в длинную юбку и просторный свитер. Она мирно сидела у костра.

– Приветствую вас, беглецы! Сюда не добираются случайные люди. Жители городов цепляются за разрушенное будущее, пытаясь вернуть мир, придуманный цивилизацией гигантских торговых центров. В этом мире правда измеряется кривой картинкой на линзах кристаллических очков. Вы, как я вижу, только недавно сняли ма-

ску, но точно не залезете в её удушающие объятья вновь.

– Приветствуем вас! – беглецы подошли к костру.

– Располагайтесь! Вы почти пришли, а любой путник заслуживает отдыха. Горячий травяной чай восстановит силы, а простой разговор вернёт к жизни. Как же случилось, что вы проснулись?

– Будущее рождается в прошлом, – начал Радек, – настоящее всегда намекает на то, чего вроде бы ещё не существует, но о чём вскользь упомянул какой-нибудь странный чудак. Рассказ передают из уст в уста, о будущем снимают многосерийные фильмы-проекции, размножая и копируя отдельные фрагменты на всех возможных носителях. И в один прекрасный момент становится очевидным, что будущее уже наступило. Я слышал о проснувшихся киберионах ещё до того, как они появились. Читал в какой-то книге. Правда, тогда киберионов называли виртуальщиками. И в один прекрасный день я очнулся от забытья и безнадёжного ожидания обещанного автоматизированного машинного счастья разума. Я не думаю, что это было предопределено, просто всё встало на свои места в определённый момент моего жалкого существования. Сошлись время, пространство и человек в точке начала, или конца, или перехода, кому как видится пробуждение. За мной последовала Кара.

– Пока так немного проснувшихся, а времени остаётся мало. Мы сохранили знания наших предков. Первыми переселенцами были настоящие инженеры – геологи, конструкторы плазменных турбированных двигателей и поляризаторов магнитных потоков, строители, разработчики планеров на магнитных планетарных потоках и электромагнитных резонаторов городских вибраций накопительного действия, а также силовых зеркал-отражателей для проскакивания гравитационной сетки времени. Все эти годы мы жили обычной жизнью, вдыхая полной грудью воздух полей и лесов и прокладывая тропы сквозь плотные стыки горных расщелин. Эта жизнь вернула нам физические силы и научила выживать в любых условиях. Но последние данные наших контрольно-измерительных приборов показывают, что литосферная плита Родинии раскалывается на три континента и гигантский океан Мировия сомкнёт свои воды над потухшими городами киберионов. Погибнуть киберионы не могут, они уже мертвы духовно, но пока их толпы передвигаются и ищут пути удовлетворения единственного оставленного им желания – иллюзий трансового сна. Все таблетированные формы подпитки нейронных сетей исчерпаны, и они обречены на бессмысленное блуждание по стеклобетонным тупикам заброшенных торговых центров. Но мы построили несколько кораблей и сможем переждать катастрофу в космическом вакууме.

– Вы уверены, что катастрофа неизбежна? – Кара готова была расплакаться от такой страшной новости.

– Да, к сожалению, сомнений быть не может. Мы всё ещё ждём очнувшихся, но их поток иссякает. Я не могу объяснить, с чем это связано. Возможно, чтобы проснуться и обрести свободу от сетевого разума, нужно иметь призвание. Или сохранить частичку человеческих чувств, которые вспыхнут, словно свеча, коснувшись страдания. Предсказать цепочку событий, последовательность совпадений во времени сейчас невозможно. Как нельзя рассчитать интенсивность любви, например, в люксах, или давление ненависти в барах. Любая аналоговая система человеческого существа лишь копирует внешние проявления чувств. Андроиды-уборщики с улыбкой глотают пыль от геокомпозитов, но они никогда не улыбаются в одиночестве и тишине. Их воспоминания – это поток информации. Видимо, киберионы – это тот самый переходный вид между человеком и обезьяной, выведенный самим человеком, который никогда не существовал в природе. Я могу предположить, что со временем, после нескольких лет блужданий, проснутся все. Но у нас не осталось времени. Будем надеяться, что волна затопит лишь низмен-

ные участки и прибрежные зоны. А сейчас я провожу вас к главной станции.

– Я и не предполагал, что здесь сохранились какие-то знания. – Радек встал и двинулся вслед за проводницей. – Вы не затушите костёр?

– Оставьте, каменные поляны не горят, костёр догорит и погаснет.

Путники двинулись в сторону леса в обход больших озер. Разговаривали о многом и ни о чём. Женщину звали Веда. Она рассказывала, как переселенцы обустраивали быт и как сложно было привыкнуть засыпать без электросонного воздействия импульсного тока низкой частоты и силы, вызывавших сначала состояние сонливости, а потом и поверхностный сон с управляемыми сновидениями. Как строили корабли и изобретали новые способы высевания семян на скудной, почти лишённой минералов почве. Как создавали семьи и учились прощать. Жизнь в машинном мире лишала простейшего эмоционального опыта, восстановление которого требовало долгого времени. Но этот сердечный труд был радостным, открывая всё новые и новые глубины сострадания, надежды и осознания красоты. Люди долго искали в закоулках памяти слова для определения подлинного бытия, и даже простейшие ситуации порой вызывали затруднения.

– Процесс возвращения к жизни ещё не завершён, и многое предстоит открыть заново, – так говорила Веда каждый раз, как они сталкивались с чем-то новым.

Кару и Радека определили сначала в группу обучения основам выживания и оказания первой медицинской помощи. Долгие занятия возвращали клеткам мозга утраченные нейронные связи, становилось понятным то, что раньше вызывало страх или панику. Беглецам предстояло пройти обучение всем самым необходимым навыкам, и процесс передачи знаний длился годами. Новичков приобщали к самым разным профессиям, а по прошествии пяти лет первичного обучения они могли выбирать для себя то, что оказалось по сердцу. При этот сам процесс передачи знаний не прекращался. Когда пришло время садиться в корабли, Кара и Радек перешли в группу обучения основам естественных наук.

– Полёт по самой экономичной эллиптической орбите не должен продлиться дольше девяти месяцев, – капитан космического корабля Зорг Аор выступал перед группой спокойных людей, понимавших ценность человеческой жизни. – Мы используем увеличенную начальную скорость полёта для того, чтобы набрать необходимую пространственную инерцию. Турбированные электромагнитные двигатели с управляемым вектором тяги и плазменными подушками для скольжения по гравитационным потокам времени помогут разогнать корабль. Для экономии энергии мы отключим их, как только выйдем за пределы орбиты спутника нашей планеты. Дальше остаётся только ждать.

Так и произошло. Корабль оторвался от планеты HD 40307 – гигантского, вращающегося вокруг красного карлика, шара в созвездии Живописца. Время, казалось, замедлило собственное течение, и вязкая плазма воспоминаний рассеивалась, словно газовый хвост от самой планеты. Люди вглядывались в гигантский стереометрический экран, пытаясь запомнить родную планету. Очертания Родинии сливались с бирюзовой массой океана. Каждый из путешественников жаждал ответов. И этот путь от родной планеты был на самом деле возвращением к истокам утраченной жизни. Так думал каждый проснувшийся киберионец.